

ДЕНИ ДИДРО

Нескромные сокровища

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра=471.1)
Д44

Вступительная статья и комментарии А. Д. Михайлова

Дидро Д.

Д44 Нескромные сокровища / Дени Дидро; [пер. с фр. ; вступ. ст. и коммент. А. Д. Михайлова]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 349 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-09626-5

Дени Дидро (1713–1784) — французский философ, писатель и драматург, главный вдохновитель знаменитой «Энциклопедии», ставшей одним из крупнейших справочных изданий XVIII века.

Роман «Нескромные сокровища» выделяется на фоне других произведений автора. Согласно семейному преданию, Дидро взялся за него в результате пари с мадам де Пюизье, стремясь доказать, что нет ничего легче, чем писать «в скабрёзно-развлекательном стиле Кребильона-сына». Повествование о волшебном перстне, наделённом силой вызывать на откровение любую женщину, заставляя ее «сокровища» рассказывать о любовных приключениях, действительно отсылает к популярному в то время жанру флигельного романа, однако отнюдь не исчерпывает содержания произведения. Рассыпанные на его страницах остроумные насмешки над церковью, учеными, петиметрами и ханжами позволяют Дидро представить широкую картину испорченных нравов Франции XVIII столетия. Так даже «неприличная» сказка под пером убежденного просветителя становится выражением его философско-моралистической доктрины.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра=471.1)

© Михайлов А. Д., наследники,
вступительная статья, комментарии, 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ISBN 978-5-517-09626-5

ПЕРВЫЙ РОМАН ДИДРО

Дидро обладал умом живым и ясным, он не был наделен саркастической недоверчивостью Вольтера и начисто был лишен угрюмой подозрительности Руссо. Поэтому он любил мистификации и розыгрыши и не очень огорчался, если сам оказывался их жертвой. Вся его жизнь была, по сути дела, цепью мистификаций, подчас весьма рискованных и смелых¹. Ведь даже его великое детище — несравненная «Энциклопедия наук и ремесел» — на первых порах выдавалось как непритязательный перевод словаря Чемберса, лишь слегка подправленный и подновленный.

Дидро мистифицировал власти, разыгрывал родных и близких. То ему удавалось провести школьного учителя, то он входил в доверие к жадному монаху-кармелиту брату Ангелу, уверив его, что хочет вступить в его орден, то изображал смирение и послушание и добивался денежной поддержки отца, то выдавал себя за начинающего благочестивого семинариста и исподволь завоевывал сердце рассудительной, но пылкой Антуанетты Шампньон, вскоре ставшей его женой.

Точно так же и в творчестве. Почти каждое его произведение, как философское, так и беллетристическое, окружено забавными легендами и некоторой таинственностью. Не стал тут исключением и первый роман Дидро «Нескромные сокровища». Вообще, многие его книги выходили без имени автора или же на десятилетия оставались в рукописи. Они выдавались либо за подлинные записки молодой девушки, упрятанной родственниками

¹ См.: *Catrysse J. Diderot et la mystification*. Paris, 1970.

в монастырь, либо за записки отставного военного или же за сочинение некоего «африканского автора».

Впрочем, последнее было настолько распространено, что придало своеобразный оттенок всей литературе эпохи¹. В самом деле, с того момента, как переимчивый Антуан Галлан (1646—1715) принялся публиковать свой перевод сказок «Тысячи и одной ночи» (1704), мода на все восточное буквально захлестнула литературу. Для этого были свои причины.

Во-первых, это было, конечно, открытием Востока, попыткой получше узнать его и понять. Вот почему в такой чести оказались всевозможные записки путешественников, еще полные фантастических баснословий, но и весьма точных сведений. Интерес к Востоку был искренним (хотя и тут была порой дань моде) и во многом способствовал становлению научной ориенталистики, нащупывавшей пути подлинного историзма. Но было это и просто перекодированием поэтического языка, когда на смену квазисредневековому маскараду, столь типичному для прециозной прозы XVII столетия, пришел язык иных иносказаний, на этот раз восточных. Поэтому обращение к восточному колориту было на протяжении всего века Просвещения не только достаточно стойким, но и очень гибким и многообразным. Это открывало перед писателями новые возможности, в частности позволяло рисовать совсем иные нравы и порядки, резко отличающиеся от европейских. Такое сопоставление и противопоставление обычно оборачивалось — у просветителей — осуждением европейских обычаев и морали. Восточная же экзотика не столько заинтересовывала сама по себе, сколько служила средством острого изображения опять-таки европейской цивилизации, на этот раз увиденной глазами человека иной расы, иных верований и взглядов.

Введение восточного колорита оказало влияние и на композиционную структуру соответствующих литератур-

¹ См.: *Difrénoy M.-L.* L'Orient romanesque en France, 1704—1789.: En 2 vol. Montréal, 1946—1947.

ных памятников, их стилистику и поэтику. Прежде всего это обернулось «сказочностью», т. е. очень широким введением мотивов чудесного, феерического, чем была отмечена и подлинная восточная волшебная сказка. Затем воздействие композиционных приемов последней обнаруживается и в структуре этой псевдовосточной прозы, например в столь для нее типичном мотиве путешествия героя, в ходе которого он сталкивается с неожиданными препятствиями, попадает в сложные ситуации, становится жертвой совершенно непредвиденных обстоятельств. Из восточных же повествований был заимствован изощренный эротизм, ведь Восток воспринимался тогда в Европе как прибежище утонченной неги, изысканных наслаждений, нескончаемых, изобретательных и соблазнительных. Надо сказать, что эротические мотивы в псевдовосточном французском романе и повести разрабатывались особенно увлеченно и неутомимо. Посредственные писатели ограничивались здесь плоскими шаблонами, талантливые обнаруживали находчивость и оригинальность. К тому же эротические мотивы в их «восточной» трактовке позволяли создавать ситуации не только возбуждающие, дразнящие, но нередко и откровенно комические, и этим также широко пользовались писатели. Наконец, и это особенно важно, экзотический восточный колорит очень часто становился просто иносказанием, аллегорией, метафорой — опять-таки заостренным, нарочито гротескным изображением современных писателям обычаев и порядков. Облаченная в восточные наряды, европейская действительность предстала перед читателями как бы в обнаженном виде: то, что в своей привычной форме не так бросалось в глаза, в восточном маскарадном костюме выглядело вызывающе глупо, смешно, чудовищно.

Один из первых образцов романа такого типа — знаменитые «Персидские письма» (1721) Шарля Луи де Монтескье. Здесь французская действительность (из осторожности передвинутая во времена Людовика XIV) была преломлена в восприятии двух персов, Узбека и Реди, которым все увиденное кажется странным, аморальным, алогичным. Конечно, та резкая критика нравов и установлений своей

страны, которую Монтескье передоверил двум наблюдательным, но все же «диким» представителям Востока, была настолько метка и последовательна, что вряд ли у кого-нибудь вызывало сомнение, чьи взгляды, чьи недоумения и оценки, чьи насмешки в действительности содержались в переписке Узбека, его друзей и земляков. Не могло это обмануть и цензуру, впрочем утратившую в это время свою бдительную настороженность.

Написаны «Персидские письма» были на исходе Регентства, когда, после смерти Людовика XIV (1715) и в малолетство его правнука Людовика XV, государством управлял герцог Филипп Орлеанский. Это короткое восьмилетие заметным образом изменило лицо общества, именно его внешние черты, оставив, конечно, неизгладимыми основные государственные установления и порядки. Замечательную характеристику того времени дал Пушкин, внимательно изучавший по всем имеющимся документам ту эпоху. «По свидетельству всех исторических записок, — писал он в „Арапе Петра Великого“, — ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью двора, важностью и приличием, не оставили никаких следов. Герцог Орлеанский, соединяя многие блестящие качества с пороками всякого рода, к несчастью, не имел и тени лицемерия. Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа; пример был заразителен. На ту пору явился Law (Лоу. — А. М.); алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей»¹.

Однако государство, пережив острый кризис, даже пошатнувшись, не только устояло, но и снова стало укрепляться. Новые министры старались навести где надо по-

¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л, 1950. Т. VI. С. 10.

рядок, и нельзя сказать, что это им не удавалось. Ужесточилась цензура, особенно церковная. Опять прошли аресты инакомыслящих, а «инакомыслие», как это обычно бывает при «наведении порядка», вновь стало трактоваться весьма расширительно и произвольно. Но напор новых идей, в частности под воздействием английской философии, науки, политической мысли, все усиливался и делался необратимым. Необратимым стало и постоянное усиление репрессий.

Примечательным эпизодом этих акций государства было обнародование 20 февраля 1737 г. канцлером Анри-Франсуа Дагессо королевского указа, согласно которому отныне публиковать романы на территории Франции можно было лишь по особому разрешению¹. Инициаторами этого запрета на художественную прозу явились иезуиты, но их очень активно поддержали и их заклятые враги янсенисты. И те и другие видели в романах опасное чтение, смущающее умы, повреждающее нравы, сеющее прельстительное свободомыслие, критикующее власти предрежающие и по сути дела подстрекающее к мятежу. По мысли иезуитов и их сторонников, романы портили и литературные вкусы читателей, губительно сказывались на языке, приучали к бездумному, чисто развлекательному чтению.

Что же, давал ли французский роман первой трети XVIII столетия повод для подобных оценок? В известной мере давал. Вся ли романная продукция тех лет была такой? Нет, конечно. Даже напротив. Под пером Лесажа, автора «Жиль Бласа», роман обратился к действительности, к изображению различных слоев общества в их сложном брожении и переплетении, к созданию социально детерминированных образов. Под пером Мариво и Прево, авторов соответственно «Жизни Марианны» и «Манон Леско», роман сделал значительный шаг вперед в изображении всех тонкостей психологии рядового человека, прихотливой жизни сердца, непредсказуемых движений души.

¹ См.: *Разумовская М.В.* Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л., 1981.

В ряде произведений (у того же Прево, в «Удачливом крестьянине» Мариво) на первом плане были выходцы если и не из самых низов общества, то из кругов в достаточной степени демократических, что явилось попыткой создания произведения совершенно нового типа, а не просто вызовом прежнемуpreciозному роману (который все еще был популярен).

Но рядом с этим так называемым реально-психологическим романом в 30-е и 40-е годы большое распространение получил роман иного рода. Он был совсем невелик по объему, его темой в основном были галантные похождения героев, описываемые нередко не просто скрупулезно и точно, но и в достаточной степени откровенно. Среди персонажей такого романа на первом плане оказывался молодой распутник, идущий от одной любовной победы к другой. В этом отношении очень показателен роман талантливой Шарля Пино Дюкло (1704—1772) «Исповедь графа де...» (1742), который часто переиздавался под другим, не авторским, но очень ему подходящим названием «Признания повесы эпохи Регентства». Это увлекательный рассказ об альковных приключениях героя, с протокольным бесстрашием повествующего о своих связях с испанкой, итальянкой, англичанкой и т. д. Характеры его партнерш, их манеры и склонности описаны не без юмора, но страстность испанки, фригидность англичанки, беззаботность итальянки выглядят условными национальными черточками, и ни эти девицы, ни сам герой-рассказчик не обладают — в трактовке Дюкло — психологической глубиной, какой были наделены персонажи Мариво или Прево. Есть у героя и опытная наставница в любви — некая светская дама не первой молодости, разворачивающая перед юношей целую философию любви и обольщения. Характерно, что автор приводит своего героя после бесчисленных любовных интрижек без любви и наслаждений, без страсти к большому любовному чувству, предмет которого, молодая и прекрасная светская женщина, испытывает к графу де... не только плотское влечение, но и чувство духовной близости. Такой финал романа, несколько неожиданный и искусственный, является, по сути дела,